

Комедия ошибок. Генрик Сенкевич

Картинки американской жизни

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел, как говорят, на самом деле в одном американском городке. На западе это было или на востоке, я так и не узнал, – да в сущности это все равно. Возможно также, что какой-нибудь американский или немецкий новеллист уже до меня использовал этот сюжет, но я полагаю, что моим читателям это так же безразлично, как и вопрос, где именно было дело.

Лет пять-шесть тому назад в округе Марипоза были открыты нефтяные источники. Слухи об огромных барышах, которые приносят такие разработки в Неваде и других штатах, побудили несколько предпринимателей сразу же организовать товарищество для эксплуатации новооткрытых источников. Навезли сюда всякие машины, насосы, краны, лестницы, бочки и бочонки, буры и чаны, построили дома для рабочих, назвали этот участок «Страк-Ойл»[1], и через некоторое время в пустынной и безлюдной местности, где еще год назад единственными обитателями были койоты, вырос поселок – несколько десятков домиков, в которых жило несколько сот рабочих.

Прошло два года, поселок «Страк-Ойл» стал уже именоваться «Страк-Ойл-Сити». И в самом деле, это был настоящий сити[2], в полном смысле слова. Примите во внимание, что к тому времени здесь имелись уже портной, сапожник, столяр, кузнец, мясник и врач-француз – правда, у себя на родине этот француз занимался ремеслом брадобрея, но как-никак был человек ученый и притом безвредный, а для американского доктора это уже очень много.

Доктор, как это часто бывает в маленьких американских городках, одновременно был аптекарем и почтарем и, таким образом, подвизался сразу на трех поприщах. Аптекарь он был такой же безвредный, как врач, так как в его аптеке можно было получить только два лекарства: сахарный сироп и леруа[3]. Тихий и добродушный старичок говаривал своим пациентам:

– Вы можете принимать мои лекарства совершенно спокойно. У меня правило – раньше, чем дать больному лекарство, я для проверки принимаю такую же дозу. Сами понимаете, если оно не повредит мне, здоровому, так, значит, и для больного оно неопасно. Верно?

– Верно, – соглашались успокоенные обыватели. Им почему-то не приходило в голову, что врач обязан не только не вредить, но помогать больным.

Мистер Дасонвилль – так звали доктора – в особенности верил в чудодейственные свойства леруа. Не раз он на собраниях, сняв шапку, обращался к своим согражданам с такой речью:

– Леди и джентльмены, убедитесь своими глазами, как действует леруа! Мне пошел восьмой десяток, я уже сорок лет ежедневно употребляю это средство – и вот смотрите: у меня ни единого седого волоса на голове!

Леди и джентльмены могли бы, конечно, возразить, что у доктора не только седых волос, но и вообще ни единого волоса на голове нет, ибо череп его был гол, как колено. Но так как подобные замечания никак не послужили бы к чести и славе Страк-Ойл-Сити, то их никто не делал.

А Страк-Ойл-Сити между тем все рос и рос. Еще через два года сюда провели

железнодорожную ветку. В городе уже были свои выборные должностные лица. Всеми любимый доктор, как представитель интеллигенции, был избран судьей, а сапожник, польский еврей, мистер Дэвис (бывший Давид), – шерифом, то есть начальником полиции, которая состояла из него одного. Выстроили школу, где начальствовала специально для этого выписанная учительница, старая дева весьма древнего возраста и с вечным флюсом. И, наконец, появилась первая гостиница под названием «Отель Соединенных Штатов».

Чрезвычайно оживилась в городе торговля, «бизнес». Нефть приносила большие барыши. Мистер Дэвис поставил перед своей мастерской стеклянную витрину вроде тех, какие украшают обувные магазины в Сан-Франциско. Это всеми было отмечено, и на очередном собрании жители Страк-Ойл-Сити публично выразили ему благодарность за «новое украшение города», на что мистер Дэвис отвечал со скромностью великого гражданина: «Благодарю! Благодарю!»

Где есть судья и шериф, там неизбежны судебные процессы. А где тяжба, там и бумагомарание, и следовательно, требуется бумага. Поэтому на углу Первой улицы и улицы Койотов открылся писчебумажный магазин, где продавались также газеты и политические карикатуры, изображавшие президента Гранта в виде крестьянина, доящего корову (корова символизировала Соединенные Штаты). Шериф не считал нужным запрещать продажу таких изображений, ибо это не входило в обязанности полиции.

Культурный рост Страк-Ойл-Сити на этом не остановился. Американский город не может существовать без прессы; и вот прошел еще год – и в Страк-Ойл-Сити начала издаваться газета «Saturday Weekly Review», то есть «Еженедельное субботнее обозрение», имевшая подписчиков ровно столько, сколько в городе насчитывалось жителей. Редактор этого «Обозрения» был одновременно его издателем и заведующим редакцией, сам его печатал и сам же и разносил. Выполнять последнюю обязанность ему было нетрудно, потому что он, кроме того, имел корову и каждое утро носил молоко по домам. Это, однако, ничуть не мешало ему писать политические передовицы, начинавшиеся примерно так:

«Если бы наш ничтожный президент послушался совета, который мы дали ему в предыдущем номере...» – и так далее, и так далее.

Как видите, в благословенном Страк-Ойл-Сити было все, что городу требуется. К тому же рабочие нефтепромыслов не такой грубый и необузданный народ, как золотоискатели, так что в городе было спокойно. Никто ни с кем не дрался, о линчеваниях и слуху не было, жизнь текла мирно, и один день был как две капли воды похож на другой. По утрам каждый занимался своим делом, вечерами обыватели жгли на улицах мусор и, если не было никаких собраний, ложились спать в счастливой уверенности, что завтра так же будут вечером сжигать мусор.

Единственной заботой и огорчением шерифа было то, что он никак не мог отучить жителей Страк-Ойл-Сити от стрельбы из карабинов по диким гусям, пролетающим по вечерам над городом. Стрельба на городских улицах запрещена законом. «В какой-нибудь паршивой захолустной дыре – это еще куда ни шло, говаривал шериф. – Но в таком большом городе, как наш, постоянные пиф-паф, пиф-паф! – это же просто безобразие!»

Граждане слушали, кивали головами, поддакивали шерифу, но, когда к вечеру на розовеющем небе появлялись белые и серые вереницы гусей, летевших с гор к морю, все забывали о своих благих намерениях, хватали карабины и опять начиналась

стрельба вовсю.

Мистер Дэвис мог бы, разумеется, препровождать виновных к судье, а судья – брать с них штраф. Но не следует забывать, что эти правонарушители, когда заболели, были пациентами доктора, а когда им нужно было починить или сшить обувь, являлись заказчиками шерифа. И, поскольку рука руку моет, рука руки не обидит.

Итак, Страк-Ойл-Сити наслаждался мирным благополучием. Но неожиданно счастливым дням наступил конец.

Бакалейщик воспылил смертельной ненавистью к бакалейщице, а она к нему.

Тут, пожалуй, придется вам объяснить, что в Америке называется бакалейной торговлей, или, по-ихнему, «гросери». Это – лавка, где продается решительно все; здесь вы можете купить муку, рис, шляпу, сигары, метлу, пуговицы, сардины, рубашку и брюки, сало, семена, ламповое стекло, топор, сухари, тарелки, бумажные воротнички, вяленую рыбу – словом, все, что требуется человеку. В Страк-Ойл-Сити сначала открылась только одна такая лавка. Хозяин ее, Ганс Каске, был флегматичный немец из Пруссии, мужчина лет тридцати пяти, лупоглазый, не тучный, но довольно-таки солидной комплекции. Он всегда ходил без сюртука и не выпускал изо рта трубки. По-английски умел говорить лишь то немногое, что ему нужно было для «бизнеса», а больше – ни в зуб. Торговлю свою он, впрочем, вел умело, и через год в Страк-Ойл-Сити уже поговаривали, что Ганс Каске «стоит» несколько тысяч долларов.

Но вдруг в городе появилась вторая «гросери».

И удивительное дело: хозяин первой был немец, и вторую открыла тоже немка!

Кунегунда и Эдуард, Эдуард и Кунегунда!

Между ними сразу же вспыхнула война. Началась она с того, что мисс Нейман (или, как она себя называла на американский лад, Ньюмен) в первое же утро продала посетителям лепешки из муки, смешанной с содой и квасцами. Наибольший вред это причинило бы ей самой, восстановив против нее общественное мнение, если бы она не утверждала, ссылаясь на свидетелей, что муку для лепешек купила у Ганса Каске, так как свою не успела еще распаковать. Выходило, что Ганс Каске – завистник и негодяй, который хотел сразу же осрамить и погубить конкурентку.

Правда, легко было предвидеть, что две «гросери» будут конкурировать между собой, но никто не ожидал, что соперничество их хозяев перейдет в страшную взаимную ненависть. Ненависть эта скоро дошла до того, что Ганс жег мусор только тогда, когда ветер нес дым в лавку его конкурентки, а конкурентка в глаза и за глаза называла его «этот дачмэн»[4], что Ганс рассматривал как величайшую обиду.

Вначале покупатели только подсмеивались над обоими, тем более что ни Ганс, ни мисс Нейман не умели говорить по-английски.

Но, когда ежедневно покупаешь в одной лавке и общаешься с ее хозяином или хозяйкой, трудно сохранить нейтралитет, – и постепенно в городе образовались две партии: гансистов и нейманистов. Представители противных партий уже начинали косо поглядывать друг на друга, а это могло нарушить мир и благополучие в республике Страк-Ойл-Сити и в будущем вызвать грозные осложнения. Шериф, мистер Дэвис, как глубокомысленный и тонкий политик, всегда считал нужным искоренять

зло в самом зародыше и потому старался помирить конкурентов. Не раз, остановившись среди улицы, он увещевал обоих на их родном языке:

– Ну, зачем вам ссориться? Разве не у одного сапожника вы покупаете башмаки? А у меня как раз сейчас есть такие, каких во всем Сан-Франциско не найдете!

– Что толку выхваливать свою обувь перед тем, кто скоро будет ходить босиком? – кисло возражала мисс Нейман.

Ганс отзывался флегматично, как всегда:

– Ко мне покупатели ходят не ради моих ног.

Надо вам сказать, что у мисс Нейман были очень красивые ножки, и колкие намеки Ганса наполняли ее сердце яростным возмущением.

Обе враждующие партии и на городских собраниях начали поднимать вопрос о Гансе и мисс Нейман. Но в Америке тот, кто вздумает воевать с женщиной, никогда не может рассчитывать на защиту правосудия. Большинство граждан перешло на сторону мисс Нейман, и Ганс скоро увидел, что его торговля едва окупает расходы.

Впрочем, и у мисс Нейман дела шли не блестяще, так как все женщины города были на стороне Ганса, с тех пор как они подметили, что их мужья что-то уж слишком часто ходят за покупками к хорошенькой немке и подолгу засиживаются у нее в лавке.

Когда в обеих лавках не было покупателей, Ганс и мисс Нейман стояли друг против друга, обмениваясь злобными взглядами. Мисс Нейман напевала на мотив немецкой песенки «Мой милый Августин»:

– Дачмэн, дачмэн, да-ач-мэн!

А Ганс мерил ее взглядом с головы до ног с таким же выражением, с каким рассматривал убитого месяц назад койота. Потом, раздражаясь сатанинским смехом, восклицал:

– О господи!

Ненависть этого флегматика дошла до того, что, если он утром, выходя на порог, не видел мисс Нейман, он беспокойно топтался на месте, как человек, которому чего-то недостает.

Между ними давно дошло бы до столкновений, если бы Ганс не был уверен, что ни один представитель власти его не поддержит, тем более что мисс Нейман нашла себе защитника в лице редактора «Субботнего обозрения». В этом Ганс убедился, когда распустил слух, будто мисс Нейман носит фальшивый бюст. Собственно, в этом не было ничего неправдоподобного – в Америке это принято. Но в ближайшую субботу в «Обозрении» появилась громовая статья, в которой редактор распространялся о клеветнических замашках некоторых «дачмэнов» и в заключение, «как человек, хорошо осведомленный», торжественно заверял читателей, что бюст у некой оклеветанной дамы не фальшивый, а настоящий.

С того дня мистер Ганс пил по утрам кофе без молока, потому что не желал больше покупать молоко у редактора. Зато мисс Нейман стала брать молоко в двойном

количестве. Кроме того, она заказала портному платье такого фасона, который помог ей окончательно убедить всех, что Ганс – недостойный клеветник.

Теперь Ганс чувствовал себя беззащитным против женской хитрости. А немка каждое утро, выходя на порог лавки, напевала все громче:

– Дачмэн, дачмэн, да-ачмэн!

«Чем бы таким ей насолить? – думал Ганс. – Есть у меня для крыс пшеница с мышьяком, так не отравить ли ее кур? Нет, нельзя, меня заставят за них заплатить!.. А, знаю, что делать!»

Вечером мисс Нейман, к своему крайнему изумлению, увидела, что Ганс сносит целыми охапками кустики дикого гелиотропа и укладывает их под решетчатыми окнами погреба. «Любопытно, что это он затевает? – сказала она себе. – Наверное, что-нибудь против меня!»

Между тем стемнело. Уложив зелень двумя рядами, так что посередине оставался свободный проход к окну погреба, Ганс вынес из дому какой-то предмет, прикрытый тряпкой, повернулся спиной к соседке и только тогда развернул этот таинственный предмет и прикрыл его листьями, после чего подошел к стене и стал что-то на ней писать.

Мисс Нейман сгорала от любопытства.

«Не иначе, как это он обо мне что-то пишет, – думала она. – Пусть только все уснут, тогда я пойду погляжу. Умру, а узнаю, что он там такое написал!»

Окончив таинственные приготовления, Ганс ушел к себе наверх и скоро погасил свет. Тогда мисс Нейман поспешно надела халатик и туфли на босу ногу и побежала через улицу. Дойдя до рядов гелиотропа, она двинулась прямо по проходу к погребу, чтобы прочесть надпись на стене.

Но вдруг у нее глаза полезли на лоб. Она откинулась назад и жалобно вскрикнула: «Ай! Ай!» Потом отчаянно завопила: «Помогите! Спасите!»

Наверху открыли окно.

– Что такое? – послышался спокойный голос Ганса. – Что случилось?

– Проклятый дачмэн! – завизжала мисс Нейман. – Убил меня, убил! Завтра тебя за это вздернут! Спасите! Спасите!

– Сейчас сойду, – сказал Ганс.

И действительно, через минуту он появился внизу со свечой в руке. Посмотрел на мисс Нейман, которая стояла, как пригвожденная к месту, и, подбоченясь, захохотал:

– Что я вижу? Мисс Нейман? Ха-ха-ха! Добрый вечер, мисс! Ха-ха-ха! Поставил капкан на скунсов, а поймал девицу! Зачем это вы, мисс, вздумали заглядывать в мой погреб? Я же нарочно написал на стене, чтобы никто не подходил близко. Ну, теперь можете кричать во все горло, пусть люди сбегутся! Пусть увидят все, что вы по ночам ходите к моему погребу подглядывать! Кричите, сколько сил хватит, –

вы у меня постоите тут до самого утра. Доброй ночи, мисс, приятных снов!

Положение мисс Нейман было ужасно. Кричать? Нельзя, сбегутся люди, срам! Молчать? Стоять целую ночь пойманной в капкан и завтра стать посмешищем для всего города? Да и зажатая в капкан нога болит все сильнее...

В голове у нее помутилось, звезды сливались перед глазами, а среди них мигал месяц со зловещей физиономией Ганса... Мисс Нейман упала в обморок.

«Herr Je![5] – ахнул про себя Ганс. – Если она умрет, меня завтра линчуют без суда!»

Волосы у него встали дыбом от страха.

Делать было нечего. Ганс поспешно разыскал отмычку, чтобы открыть железный капкан. Но открыть его было нелегко, – мешал халат мисс Нейман. Пришлось его немного приподнять, и... несмотря на всю ненависть и страх, Ганс не мог не взглянуть на прелестные, словно мраморные, ножки своего врага, освещенные луной.

Кажется, в нем заговорила жалость. Он торопливо открыл капкан, и, так как девушка все еще была без памяти, взял ее на руки и быстро понес к ней в дом. И пока нес, испытывал все то же чувство жалости.

Он вернулся к себе, но всю ночь не мог сомкнуть глаз.

Наутро мисс Нейман не появилась в дверях лавки, чтобы, как всегда, спеть свое любимое «Дачмэн, дачмэн, да-ачмэн!» Может быть, ей было стыдно, а может быть, она обдумывала план мести.

Оказалось, что она замышляла месть. Вечером того же дня редактор «Сатэрдэй уикли ревью» вызвал Ганса на кулачный бой и сразу же подбил ему глаз. Но доведенный до отчаяния Ганс задал ему такую трепку, что после недолгого и тщетного сопротивления редактор во весь рост растянулся на земле и закричал: «Довольно! Довольно!»

Неведомо как – не от Ганса – весь город узнал о ночном происшествии с мисс Нейман. А из сердца Ганса после драки с редактором испарилась жалость к противнице и осталась одна лишь вражда.

Он предчувствовал, что ненавистная рука нанесет ему какой-то внезапный удар. И удар не заставил себя долго ждать.

Лавочники часто вывешивают на улице перед лавкой объявления о различных полученных ими товарах, и эти объявления начинаются со слова «Notice»[6]. И еще надо вам знать, что в американских «гросери» обычно продают для ресторанов и баров лед, без которого ни один американец не станет пить ни пива, ни виски. И вот Ганс вдруг заметил, что у него совсем перестали брать лед. Огромный запас, привезенный им по железной дороге и сложенный в погреб, растаял, убытку было больше, чем на десять долларов. В чем же дело? Почему так вышло? Ганс видел, что даже его сторонники каждый день покупали лед у мисс Нейман, и не мог понять, что бы это значило, тем более что он ни с кем из буфетчиков не ссорился.

Он решил выяснить дело.

– Отчего вы не берете у меня льду? – спросил он своим ломаным английским языком у бармэна Питерса, когда тот проходил мимо лавки.

– Очень просто: оттого что вы им больше не торгуете.

– Как так не торгую? Почему?

– А я откуда знаю почему?

– Но это же неправда! У меня есть лед!

– А это что? – Питерс ткнул пальцем в объявление, наклеенное на стену.

Ганс посмотрел и позеленел от злости. В его объявлении кто-то в слове «Notice» вырезал букву «t» и получилось «No ice», что по-английски означает «Льда нет».

– Ах, негодзяка! – крикнул Ганс; весь посинев и дрожа, ворвался он в лавку мисс Нейман.

– Это подлость! – кричал он с пеной у рта. – Как вы смели выцарапать у меня в середине букву?

– Что я у вас выцарапала в середине? – с невинным видом спросила, притворяясь удивленной, мисс Нейман.

– Я же вам сказал – букву «t», не слышите, что ли? Это вы ее выцарапали! Нет, черт возьми, этому надо положить конец! Вы мне заплатите за весь лед!

Обычное хладнокровие изменило Гансу, он вопил, как сумасшедший, а мисс Нейман тоже в долгу не оставалась. На крик сбежались люди.

– Спасите! – визжала мисс Нейман. – Немец взбесился! Твердит, что я у него внутри что-то выцарапала, а я ничего у него не выцарапывала. Что я могу у него выцарапать? Видит бог, я охотно выцарапала бы ему глаза, если бы могла, а больше ничего. Я одинокая беззащитная девушка! Он тут меня со свету сживет! Он меня убьет!

Крича это, она заливалась горячими слезами. Американцы так и не поняли, в чем дело, но они не выносят женских слез, – и Гансу надавали тумачков и вышвырнули его вон. Он попробовал упираться, но – где там! – вылетел пулей, перелетел через улицу, влетел к себе в лавку и грохнулся на пол.

Через неделю над дверью его лавки висела огромная ярко размалеванная вывеска. На ней была изображена обезьяна в полосатом платье и белом фартуке с ляжками – словом, одетая точно так, как мисс Нейман. А ниже красовалась надпись большими золотыми буквами:

БАКАЛЕЯ «ПОД ОБЕЗЬЯНОЙ»

Набежало множество любопытных – всем хотелось посмотреть вывеску. Услышав хохот на улице, мисс Нейман вышла, взглянула, побледнела, но, не растерявшись, воскликнула громко:

– Бакалея «Под обезьяной»? Ну что же, это верно – ведь над лавкой живет мистер

Каске. Ха-ха-ха!

Тем не менее это был для нее удар в сердце. Днем она слышала, как дети, гурьбой возвращаясь из школы, останавливались перед вывеской и кричали:

– Ой, да это же мисс Нейман! Здравствуйте, мисс Нейман!

Это было уже слишком. Вечером, когда к ней пришел редактор, она сказала ему:

– Обезьяна на вывеске – это я! Знаю, что я! И этого я ему не спущу! Я заставлю его снять вывеску и при мне слизать обезьяну языком!

– Что ты хочешь делать?

– Сейчас же идти к судье!

– То есть как это сейчас?

– Ну, завтра.

Рано утром она вышла и, подойдя к Гансу, сказала:

– Вот что, мистер дачмэн: я знаю, что это меня ты намалевал в виде мартышки. Ну-ка, пойдём к судье! Увидим, что он на это скажет.

– Скажет, что я имею право рисовать на своей вывеске что хочу!

– Посмотрим! – мисс Нейман с трудом переводила дух.

– А откуда вы знаете, что обезьяна – вы?

– Сердце мне это говорит! Идем, идем к судье! Не пойдешь, так тебя шериф в кандалах поведет!

– Что ж, пойдёмте, – согласился Ганс, уверенный, что на этот раз победа за ним.

Они закрыли лавки и отправились к судье, перебраниваясь всю дорогу. И только у самых дверей мистера Дансонвилля оба спохватились, что не настолько знают английский язык, чтобы изложить судье все дело.

Как тут быть? Вспомнили, что шериф, польский еврей, говорит и по-английски и по-немецки. Пошли дальше, к шерифу.

Но шериф собрался куда-то ехать и уже сидел в телеге.

– Ступайте вы к черту! – сердито прикрикнул он на них. – Взбудоражили весь город! Годами носите одну пару башмаков! Некогда мне с вами возиться. Я еду за дровами. Прощайте!

И уехал.

Ганс упер руки в бока и сказал спокойно:

– Ну, мисс, придется вам потерпеть до завтра.

– Ждать? Ни за что, легче умереть! Только если вы снимете обезьяну...

– Обезьяны не сниму.

– Тогда тебя вздернут! Будешь болтаться на дереве, немец, ой, будешь! Обойдется дело и без шерифа! Судья тоже знает всю историю.

– Ну, так идем к нему без шерифа!

Однако мисс Нейман ошибалась: судья один во всем городе ровно ничего не знал об их ссорах. Безобидный старичок приготавливал свои снадобья и воображал, что спасает мир.

Он принял их, как принимал каждого, – учтиво и ласково.

– Покажите языки, дети мои!.. Сейчас я вам пропишу лекарство.

Оба замахали руками, пытаясь таким образом объяснить ему, что пришли не за лекарством. Мисс Нейман твердила:

– Мы не за этим! Не за этим!..

– Так чего же вам нужно?

Ганс и мисс Нейман заговорили разом, перебивая друг друга. Ганс слово, она – десять. Наконец, немку осенила удачная мысль: она указала себе на грудь в знак того, что Ганс пронзил ей сердце семью мечами.

– Ага, теперь понимаю! Понимаю! – обрадовался доктор.

Он раскрыл большую книгу и начал что-то в нее записывать. Спросил у Ганса, сколько ему лет. Оказалось – тридцать шесть. Спросил у мисс Нейман, но она не помнила точно, сказала, что, кажется, около двадцати пяти.

– All right![7] А как зовут? Ганс, Лора. All right! Чем занимаетесь? Торговлей! All right! – доктор задал еще какие-то вопросы. Они их не поняли, но на всякий случай ответили: «Yes»[8]. Доктор кивнул головой: вот и все.

Кончив писать, он встал и вдруг, к великому удивлению Лоры, обнял ее и поцеловал.

Она решила, что это доброе предзнаменование, и пошла домой, полная самых радужных надежд.

Дорогой она пригрозила Гансу:

– Я вам покажу! Вы у меня запляшете!

– Запляшет кое-кто другой, – спокойно отпарировал тот.

На другое утро к их лавкам подошел шериф. Оба – и Ганс и мисс Нейман стояли в дверях. Он пытался трубкой, она напевала:

– Дачмэн, дачмэн, да-ачмэн!

– Думаете идти к судье? – спросил шериф.

– Мы уже ходили.

– Ну и что?

– Шериф, голубчик! Дорогой мой мистер Дэвис! – взмолилась мисс Нейман. – Пойдите узнайте, что он постановил. А я в долгу не останусь... Мне как раз нужны новые ботинки. Закажите там за меня словечко судье! Вы сами видите я одинокая, беззащитная девушка...

Шериф ушел. Он вернулся через четверть часа, и почему-то за ним шла целая толпа.

– Ну, что? Как? – спросили в один голос оба противника.

– Все в полном порядке, – отвечал шериф.

– Что же судья сделал?

– А что он мог сделать плохого? Он вас поженил.

– По-же-нил?!

– Ну да. Что же тут странного? Все люди рано или поздно женятся.

Если бы в них ударила молния, и тогда Ганс и его соседка не были бы так потрясены. Ганс выпучил глаза, разинул рот и, как полоумный, уставился на мисс Нейман, а она, не менее ошеломленная, – на него. Оба в первую минуту словно окаменели, потом подняли крик:

– Его жена? Я?!

– Мне быть ее мужем?!

– Караул! Люди добрые! Ни за что! Сию минуту иду разводиться! Не хочу!

– Нет, это я не хочу!

– Лучше смерть, господа!.. Развод, сейчас же развод! Что же это такое творится?!

– Кричать-то зачем, мои дорогие? – спокойно сказал шериф. – Крик тут не поможет. Судья женить женит, но разводиться он не может. Вы же не миллионеры из Сан-Франциско, чтобы затевать разводы. Разве вы не знаете, во что это обходится? Ай-ай-ай! Зачем кричать? У меня на складе есть чудные детские башмачки, я вам их дешево продам. До свиданья!

Шериф ушел. Люди, весело смеясь, тоже стали расходиться. Новобрачные остались одни.

– Во всем этом француз виноват! – крикнула жена. – Он нарочно сделал нам такую неприятность, оттого что мы немцы.

- Правильно! – подтвердил Ганс.
- Но мы потребуем развода!
- Я первый! Вы мне вырезали букву «t» из середины!
- Нет, я первая! Вы на меня капкан ставили!
- Мне такая жена не нужна!
- Я вас видеть не могу!

Они разошлись и заперли свои лавки. Она целый день сидела у себя в комнате и размышляла; он делал то же самое у себя наверху. Наступила ночь. Ночь, как известно, приносит людям покой, но этим двоим было не до сна. Оба легли в постель, но не смыкали глаз. Ганс думал: «Там, через улицу, спит моя жена!» Мисс Нейман говорила себе: «Там спит мой муж!» И новое неясное чувство рождалось в их сердцах. У каждого к ненависти и гневу примешивалось сознание своего одиночества. А Ганс, кроме того, думал об обезьяне на вывеске. Как теперь ее оставить висеть – ведь это карикатура на его жену! Ему уже начинало казаться, что он поступил очень гадко, заказав такую вывеску. Но эта Нейман тоже хороша! Из-за нее у него весь лед залежался и растаял. Он ее ненавидит... Правда, она это сделала в отместку за то, что он поймал ее в капкан в ту лунную ночь... Тут ему вспомнились ее ножки, освещенные луной. «Девушка она хоть куда – что правда, то правда! – думал он. – Но она меня терпеть не может. И я ее тоже. О господи, вот положение! Женат! И на ком? На мисс Нейман! А развод стоит так дорого: хоть всю лавку продай – и то не хватит денег».

«Значит, я жена этого дачмэна, – размышляла в то же время мисс Нейман. – Я уже больше не девушка... То есть девушка, но замужем. И за кем? За Каске, который меня поймал в капкан, как скунса!.. Правда, он меня на руках отнес домой... А сильный какой! Взял на руки, как будто это для него пустяк... Ай, что это? Что за шорох?»

Никакого шороха не было, но мисс Нейман вдруг стало страшно, хотя раньше она никогда не боялась темноты.

- А что, если он теперь осмелится... Боже мой!

И тут же добавила тоном, в котором звучала нотка непонятого разочарования:

- Нет, не осмелится он... Нет...

Однако страх мучил ее все сильнее. «Как же не бояться ночью одинокой женщине? – думала она. – Будь в квартире мужчина, было бы безопаснее... Вот говорят о каких-то убийствах в нашей округе (ни о каких убийствах мисс Нейман не слышала)... Я уверена, что и меня здесь когда-нибудь прикончат... Ах, этот Каске! Этот Каске! Отрезал мне все пути... Надо будет все-таки поразузнать насчет развода...»

С такими мыслями она ворочалась без сна на своей широкой американской кровати и в самом деле чувствовала себя очень одинокой.

Вдруг она опять так и подскочила. На этот раз она испугалась не без причины: в ночной тишине ясно слышался стук молотка.

– Иисусе! – вскрикнула мисс Нейман. – Это добираются до моей лавки!

Соскочив с постели, она подбежала к окну и, выглянув наружу, сразу успокоилась. При свете месяца на противоположной стороне улицы видна была приставленная к двери лестница и на ней мощная фигура Ганса. Он молотком выбивал гвозди, на которых держалась вывеска с обезьяной.

Мисс Нейман тихонько отворила окно.

«Ага, обезьяну он все-таки снимает! Это благородно с его стороны!» Она вдруг почувствовала, что сердце у нее тает.

Ганс осторожно вытащил гвозди, и жестяная вывеска загремела, падая на землю. Потом он слез, оторвал рамку, а жестяной лист свернул в трубку и принялся передвигать лестницу на место.

Мисс Нейман не сводила с него глаз. Ночь была тихая, теплая...

– Мистер Ганс! – неожиданно прошептала девушка.

– А, вы не спите? – так же тихо отозвался Ганс.

– Нет. Добрый вечер!

– Добрый вечер, мисс!

– Что это вы делаете?

– Да мартышку снимаю.

– Вот за это спасибо, мистер Ганс!

Минута молчания.

– Мистер Ганс! – зашелестел снова девичий голос из окна.

– Что, мисс Лора?

– Нам надо столковаться насчет развода.

– Надо, надо, мисс Лора.

– Завтра?

– Ну, хотя бы завтра.

Снова пауза. Месяц смеется на небе, собаки затихли, не лают.

– Мистер Ганс!

– Что, мисс Лора?

– Ведь мне же необходимо развестись поскорее...

Это было сказано меланхолическим тоном.

– Мне тоже, мисс Лора!

Голос Ганса звучал уныло.

– Вы сами понимаете, этого нельзя откладывать...

– Да, лучше не откладывать.

– И чем скорее мы с вами все обсудим, тем лучше.

– Можно бы и сейчас...

– Если вы позволите...

– Так приходите сюда, ко мне!

– Хорошо, вот только оденусь.

– Не нужно, к чему эти церемонии?..

Дверь внизу отворилась, Ганс исчез в темноте, но через минуту он был уже в теплой и уютной девичьей спальне. Мисс Лора в белом пеньюаре была восхитительна.

– Слушаю вас, мисс, – сказал Ганс дрогнувшим голосом, звучавшим удивительно мягко.

– Видите ли... я очень хотела бы развестись, но... Ах, боюсь, как бы нас кто-нибудь не увидел с улицы...

– Да ведь здесь темно, – возразил Ганс.

– Ах да, правда...

Затем началось совещание о разводе... Но это уже выходит за рамки моего рассказа.

И в Страк-Ойл-Сити снова воцарилось спокойствие.

1877

Примечания

1 Нефтеразработки (англ.).

2 Город (англ.).

3 Ликер.

4 «Дачмэнами» в Америке называют и голландцев и немцев.

5 Господи Иисусе! (нем.) (искаженная в просторечии форма: „Je“ вместо „Jesus“).

6 Объявление (англ.).

7 Отлично! (англ.).

8 Да (англ.).